

Анатолий Глушак

«Люди пишут, а время – стирает...»

Люди, конечно, разные. Об одном скажешь homo sapiens. Немало среди нас homo faber (помните одноименный роман Макса Фриша?). В Одессе рождаются homo ludibundus (умеющие играя шутить). Поллатыни – и пишущий в древности на глиняных табличках или на папирусе, а также Гомер – скрипторы. То есть homo skribens.

Давний переписчик рукописей счел нужным оставить свою ремарку: «Мнится, писание легкое дело: пишут два перста, а болит все тело...». Да, писцы держали оструганную палочку или очиненное гусиное перо двумя пальцами – так было удобнее. Карандаш и круглая ручка «подключили» третий палец. Сегодня на клавиатуре компьютера бегают пальцы обеих рук. Но... «мнится, писание дело легкое»?

Вчитаемся в небольшое стихотворение Владимира Гоцуленко.

* * *

Вот дерево отпрянуло назад,
как пулей остановленный солдат.
Вот срез ствола, похожий на мишень.
В нем кольца – годы.
А в итоге – пень.

Пень невысок.
На нем сидеть удобно
и можно рассмотреть мишень подробно.
Удобно отдохнуть и помечтать.
Перекурить.
И сызнова начать...

Так ли безмятежна философия вышеприведенных строк? И кто тут действующее лицо? Лесоруб? Наемник? Писатель, вновь переживающий драматический парадокс: чтобы вышла его книга, должно погибнуть дерево. Наконец, кто бы мог предсказать, что это стихотворение напишет выпускник Киевского технологического института пищевой промышленности? Ведь Гоцуленко мог стать, скажем, директором Одесского сокового завода, главным инженером успешного работавшего в 70–80-е годы прошлого века завода «Продмаш». Впрочем, полученные в институте знания Владимир успешно применял в журналистике, когда возглавлял отдел экономики в газете «Вечерняя Одесса», выходявшей шесть раз в неделю, а также на посту редактора зональной газеты «Комсомольська іскра».

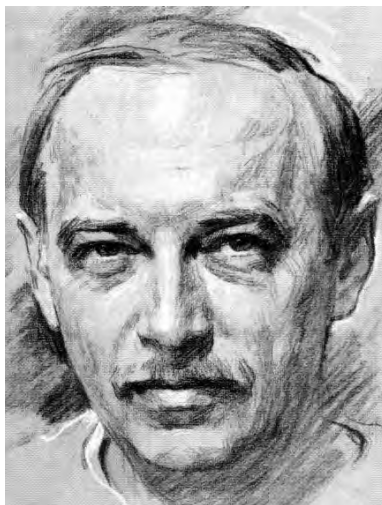
Володя Гоцуленко не выглядел белой вороной в редакционных коллективах. В 60-е годы через горнила «Комсомольского племени» и «Комсомольської іскри» прошли выпускники нескольких одесских институтов – медицинского, инженеров морского флота, политехнического, а также филологи из госуниверситета им. Мечникова. Ерванд Григорянц, став в пору хрущевской оттепели редактором «Комсомольского племени», обновлял коллектив за счет внештатников, недавних студентов. И в «Комсомольській іскрі», созданной в пору приснопамятных совнархозов на базе четырех молодежных газет Одессы, Николаева, Херсона и Крыма, творческий состав также формировался не из выпускников журналистских факультетов Киева и Львова.

Через какой-то десяток лет эти «непрофильные» газетчики будут на слуху не только в Одессе. Мастерами журналистики стали Евгений Голубовский, Владимир Гоцуленко, Борис Деревянко, Феликс Кохрихт, Юлий Мазур, Юрий Михайлик, Борис Нечерда, Виталий Орленко, Богдан Сушинский, Рудольф Феденев. Большинство из этой когорты заняли редакторские посты, а Деревянко, Голубовский, Кохрихт возглавили вновь созданные периодические издания. С большинством из коллег и мне пришлось трудиться плечом к плечу. Восьмерых из нас приняли в Союз писателей.

Свидетельствую: командная работа в газетах и издательствах наращивала умение «разгрызть тему», написать материал в срок – вовсе не мешали нам стараться и на поприще поэзии или прозы (Феденев стал еще и драматургом). Борис Нечерда играючи сочинял стихотворные репортажи на полную газетную страничку. Он уже в 1963 году выпустил

первый сборник стихов, через год – второй, что и стало пропуском в Союз писателей. Остальные продержались в журналистике значительно дольше.

Книжный дебют Гоцуленко состоялся, считай, десятилетием позже Нечерды – сказалась загруженность в газете. Но зато поэтического первенца Володи благословлял киевлянин Леонид Вышеславский, чей сборник «Звездных сонетов» на космическом уровне прорекламировал Юрий Гагарин. После третьей книжки «Ромашковая улица» (таковая есть в Одессе по сегодня) Гоцуленко уезжает в Киев. Работает в журналах «Барвінок» и «Ранок»,

Владимир Гоцуленко. Графический портрет

главным редактором издательства «Молодь». Кстати, именно в «Молоді» увидела свет единственная книжка прозы Бориса Нечерды. Издательство тогда «раскошелоилось» – приключенческий роман «Смерть кур'ера» увидел свет тиражом 115 тысяч экземпляров. Автор получил солидный гонорар: по словам другого литератора – «у поэта гроші завелись». Но большая часть гонорара вскоре «сгорела» на сберкнижке.

Припоминаю, что в одном толстом киевском журнале отказались печатать мою подборку стихов – «замало оптимізму». Я отправил эту подборку в «Ранок» – и Гоцуленко опубликовал ее в журнале полностью, хотя молодежный журнал также должен был требовать «оптимизма».

К сожалению, одесская писательская организация ревниво отнеслась к творческим и карьерным успехам недавнего земляка. В антологическом сборнике «Одеське літературне віче» произведения Владимира не нашлось места...

С каждой книжкой рос профессионализм Владимира Николаевича, расширялись горизонты его творчества. Особо стоит отметить два пушкинских сборника Гоцуленко, увидевших свет вначале в Киеве, а затем в Москве. Эти книги были отмечены Пушкинской медалью. В сотрудничестве с композитором Владимиром Быстриковым написал ряд романсов,

которые исполнял Николай Караченцов. Эти трое выпустили несколько компакт-дисков, для людей, понимающих созданное духом и талантом.

23 марта жизненный путь Владимира Николаевича Гоцуленко оборвала тяжелая болезнь.

Один поэт написал: «Люди пишут, а время – стирает...». Верится, что не все книги и песни, созданные выходцами из редакций нашей юности – «Комсомольского племени» и «Комсомольської іскри» – подвластны времени.

Владимир Гоцуленко

Прощание с Одессой

Из цикла «Дорога к Пушкину»

...На прогоны к месту назначения по числу 1621,
на три лошади, выдано ему денег 389 руб. 4 коп.

Из донесения одесского градоначальника
графа Гурьева графу Воронцову

22 июля 1824 г.

* * *

Теплое море,
волны – как строчки.
Музыка лета –
тихий прибой.
Синие дали.
Синие очи.
Синее небо.
И день голубой.

Полдень в Одессе.
Снова цыганки
страстно и искренне лгут наугад.
И золотые царской чеканки
в смуглых ладонях, как угли, горят.

Славно гадают!
Пушкин хохочет –
он не в накладе, доволен вполне.
Все, что желаешь, вмиг напророчат,
счастье любое –
по сходной цене.

Книги увязаны.
Собраны вещи.
Сборы привычны и коротки.
Грустно прощаться,
тем паче навечно –
ведь расстояния так велики...

Жаркое лето.
Черные ночи.
Жгучие ветры.
Белый прибой.
Черная шаль
и черные очи.
И саранча над тревожной судьбой.

Трудно представить –
как бесконечна
эта дорога в опальные дни...
Черное море...
Черная речка...
Черные кони...
– Ну, с Богом. Гони!..

Зимняя фантазия

Империя в развалинах снегов.
Мороз и тьма. Уже не до стихов –
ничего не светит...
Родиться здесь с талантом и душой

черт догадал – он выдумщик большой
на шутки эти!

Жить, за собой не чувствуя вины,
в кошмарные проваливаться сны
и жаждать воли!

Мучительно обдумывать побег
и проклинать судьбу и этот снег,
снег цвета боли...

А ночь царит. Ну, подойди к окну,
зажги свечу и высмотри луну
над белой речкой.
Пурга метет, метет во все концы.
И вдруг услышишь сердцем бубенцы,
и дрогнет свечка...

С тобою Бог. Пора! Скорее в путь,
чтоб вырваться уже куда-нибудь,
где даль свободна!
Невозмогу – империя, прощай!
Во Францию, в Италию, в Китай –
куда угодно!..

...Держава снегопадов велика
настолько, что испустишь дух, пока
рассвет нагрянет.
И все равно – не преклонять колен!
Упрямо ждать счастливых перемен
и жить – на грани...

Покажется: не стоит ни гроша
все то, что раздираема душа –
стихи, не боле.
Но вновь собьются мысли на побег,
и вновь клянeshь судьбу и этот снег,
снег цвета боли...

Загадка Пушкина

Берем у Пушкина уроки.
Учитель строг:
он не красотью рифмовки –
глаголом жег!

Как он успел сказать такое
через века,
что в нас, не ведая покоя,
болит строка?!

Как он сумел всех нас прославить,
а у реки
не точку –
жизнь свою поставить
в конце строки?!

* * *

Как жизнь коротка!
Но откуда же эта беспечность –
по кругу бежать
или пить непременно до дна,
спиной ощущая,
что вечность, проклятая вечность
кого-то из нас
сторожит у ночного окна...

* * *

Грачи Саврасова в Саврани
у кромки вспаханной земли
проводят громкое собрание
насчет превратностей зимы.

Не разобраться в этом доме,
но сердцу, право, веселей.
Вот потянулись за плугами
опять
гекзаметры полей.

Сосульки бьются, как стаканы,
над головой – голубизна.
Грачи Саврасова в Саврани.
Взорвался лед в реке.
Весна!

* * *

Я верил. Я любил. И правила игры,
предложенные мне, я соблюдал.
И все же
не нужен никому. И толком не пойму:
как вышло так,
что я еще и должен?..

Обсерватория души

Рассвет:
грехи иль не грехи –
итог один. Вот что обидно.
Обсерватория души:
светло вокруг, а звезд не видно...

Закат.
В таинственной тиши
нас озарит догадкой поздней
обсерватория души:
темно вокруг; но видны звезды...

Одесский сюжет

Ромашковая улица в Одессе.
Мы молоды. У нас еще любовь,
и комната восьми квадратных метров,
и белая черешня под окном...

Представить трудно – как тебя любил я!
Смеялась ты в открытое окно,
а в нем пчела гудела золотая,
и к морю устремлялся поворот.

Какими мы бессовестными были,
что счастье расточали, как могли.
Все это может подтвердить художник –
наш друг, сосед по дому и судьбе.

Казалось – все!
Казалось, что навеки!
Да, Господи, ведь так оно и есть,
Ромашковая улица в Одессе.
Мы молоды. У нас еще любовь...

* * *

Дай Бог нам пережить свои желанья
и горечи безвременных утрат.
И если можно жить без состраданья,
то как без состраданья умирать?

Дай Бог простить, хотя бы в час прозренья,
обиды все, гнетущие давно.
Да, можно жизнь прожить и без прощенья,
но без прощенья умереть грешно.

Хоть знаю я: на стыке тьмы и света,
где места нет ни горю, ни любви,
не отыскать последнего ответа –
зачем случились жизнь и смерть мои...

2003

